

«Он просил меня, сударыня, — отвечала та, — навести порядок у него в доме». Еще как-то раз, когда в Малом Бурбонском дворце давали какой-то балет и при выходе из залы произошла большая давка, все услышали, как эта женщина кричит: «Гвардейцы, колите! Убивайте! Я берусь оправдать вас перед вашим полковником». Иной раз она напускала на себя такой тон, и — под тем предлогом, что в пору размолвки Королевы-матери с Ришелье г-н д'Эпернон приберет, возможно, к ее услугам в каком-то пустячном деле, — ей хотелось, чтобы все полагали, будто во Франции ничего не происходит без ее участия. Однажды во Дворце Правосудия она подошла к прилавку книгопродавца, находившемуся возле одной из колонн большого зала, и в присутствии множества стряпчих потребовала том тогдашнего *Mercurie français*,¹ заглянула в ту страницу, где, как ей представлялось, она должна быть упомянута, и, не найдя себя, воскликнула, отшвырнув книгу: «Врет! заплати я ему, не вписал бы небось другого вместо меня!».

У г-жи де Ментенон, на ее счастье, была бабушка из рода де Куртене; эти Куртене утверждают, будто ведут свой род от принцев крови; это обстоятельство сделало ее окончательно невыносимой, когда речь заходила о знатности семьи. Она стала наводить справки и, обнаружив, что некий Пьер де Куртене, граф Оксеррский, был императором Константинопольским, стала повторять на каждом шагу: «Моя бабушка, Императрица».

Будучи вдовой и надеясь выйти замуж за г-на д'Эпернона, она за столом велела подавать себе блюда под крышками и сидела под балдахинном. У моего тестя есть имение неподалеку от Шартра, и у нее тоже было поместье в тех краях. Однажды, когда я был в гостях у тестя, он угощал эту даму обедом, она бахвалилась перед нами самым нелепым образом: между прочим, упомянув в разговоре о внебрачных детях, она заявила, что может гордиться тем, что ее бастарды суть дворяне, так же как и бастарды королей. Что до меня, мне было забавно слушать, как эта женщина говорит: мои бастарды. Будучи наследницей и старшей в семье, она полагала, что следует изъясняться именно так. В свою очередь она как-то предложила нам откусить у себя. В ожидании обеда она пригласила нас сесть. Я был весьма удивлен, когда эта пабаломшная особа уселась на почетное место, а рядом посадила свою невестку, причем их стулья были обтянуты клетчатой материей, — и только после этого пригласила сесть всех присутствующих, половину коих составляли женщины. Но угадайте, на что? На простые деревянные стулья, никогда не знавшие обивки; никогда не бывало внучки Императрицы, которая обладала бы столь незавидной мебелировкой. Но ее словам, у нее была великолепная мебель в Сальвере, в Оверне, но де слишком далеко посылать туда за стульями. За обедом она села во главе стола, и мы увидели некоего малого, который обычно ее сопровождал, а на сей раз прислуживал за столом: он подавал блюда со шпагой на боку, в плаще, паки-